

Юнцева Елизавета Александровна, выпускница МОУ «Гимназии № 13
Тракторозаводского района Волгограда»

«Люди шли, надеясь на чудо. И чудо случилось...»

Сочинение

*А город, военную славу изведав,
Теперь салютует сиренью Победы!*

Е.В. Иванникова

Восьмое мая. За окном распустилась сирень. У нас в Волгограде она всегда расцветает ровно к девятому числу. Настоящее чудо! Считайте, у всех горожан выработался негласный условный рефлекс – цветет сирень, значит, скоро День Победы. Завтра особенный день, требующий долгих приготовлений. Из кухни до моей комнаты доносится головокружительный аромат свежей выпечки. Это бабушка уже успела заняться пирогом. Каждое девятое мая в нашем доме не обходится без того самого чудесного капустного блюда по старому прабабушкиному рецепту. Почти сто лет назад такой же пирог ознаменовал для нашей семьи начало Сталинградской битвы. И вот как будто я вернулась в тот же самый день, девятое мая, когда впервые из рассказов прабабушки, Раковой Тамары Архиповны, услышала и поняла, что значит война...

... Это было знойным днем 23 августа 1942 года. Бои уже шли на подступах к Сталинграду. Гремели разрывы снарядов, горели танки, гибли бойцы... А в городе было все как обычно, а может, это мне, тогда пятнадцатилетней девчонке, так казалось.

Мама, Анна Алексеевна, пирог испекла. Мой любимый, с капустой, с “листочками” из теста. Стоит он на столе, и пар над ним клубится. А запах! Нет ничего лучше, чем аромат свежееиспеченной сдобы и тушеной капусты. Как сейчас помню, хотелось оторвать “листочек” и съесть поскорее, пока он еще горячий, пахучий. Мама моя мастерица была на все руки: она и шила, и вязала, и готовила просто замечательно. И вот уже из кухни доносится звон тарелок и стук ложек, как вдруг слышим гул мотора. Нарастающий такой жуткий шум, свист самолетов, летящих на город. Из окна видно потемневшее от десятков огромных черных птиц небо. Тарелка падает из маминых рук, мы бежим вниз, в погреб. Он был небольшой, рассчитан на три семьи, живущие в нашем доме. За нами в погреб спустились соседи. Сидим, затихли, молча надеемся на лучшее; вокруг темно, сыро, слышно, как дышит каждый из нас, едва ощутимо бьется мое сердце. Только бы мимо! Пусть чудо случится!

А гул все ближе. Вот он прямо над нами. И что тут началось! Слышим звук разбивающегося стекла, и вдруг хлипкая крышка погреба с силой, с грохотом падает. Так страшно до того момента мне никогда еще не было. Прошло минут двадцать, а показалось, будто несколько часов пролетело. Вокруг все стихло. Все живы, целы!

Вышли с мамой из погреба, вернулись в квартиру. Стекло оконное разбито, карниз на полу, а на столе - пирог, тот самый, вкусно пахнущий, благоухающий домом и спокойствием пирог с капустой. Гляжу – стоит почти нетронутый, будто и не было никакого налета. Чудеса, да и только! Только весь в осколках и осыпавшейся штукатурке. Но все такой же желанный, ароматный пирог. Спросишь, съели ли мы его? А как же. Вытащили стекло, смахнули штукатурку и съели. Тогда никто от еды не отказывался.

А потом такие бомбежки повторялись практически каждый день. Будто немец хотел стереть Сталинград с лица земли. Несладко нам пришлось. Папа рано уходил на работу, поздно возвращался. Я как могла старалась помочь

маме уложить медицинские сумки на все семьи в ее списке. Бинт, повязка, жгут, йод, бинт, повязка, жгут, йод – и так до бесконечности. Все мы, дети, женщины, тогда рыли траншеи. Окопы для солдат. Очень я рада была тому, что все наши чудом еще здесь, рядом, живы...

Утром 23 августа 1942 года фашистские захватчики прорвали оборону советской армии и вышли к Волге, оказавшись всего в трех километрах от Тракторного завода. В 16 часов 18 минут началась массированная бомбардировка города. Через час Сталинград оказался весь покрыт бомбами, словно одеялом. К концу дня город был разрушен почти до основания. Подобные налеты повторялись почти каждый день – немцы совершали до двух тысяч бомбардировочных рейсов.

...На папином заводе - мой папа, Архип Павлович, работал на одном из главных военных предприятий города - «Баррикадах» - было принято решение об эвакуации всего производства на Урал. Баррикадцы вместе со своими семьями собирали самое необходимое: вещи, документы, еду - и шли на переправу к Волге.

В соседнем доме, помню, жила семья Петровых. Их отец работал с моим отцом токарем на заводе, а я дружила с его дочерью Галей. И вот в день эвакуации, судорожно собрав все необходимое, мы отправились к переправе. В людском потоке можно было легко потеряться, да и времени у нас оставалось мало, вот-вот мог начаться очередной налет. Всю дорогу до реки у меня было стойкое чувство, что я что-то забыла забрать, взять из дома. И вдруг моя бабушка крикнула: «Стойте! Тamarочкино зимнее пальтишко оставили!» Пришлось вернуться домой. Так мы и опоздали на первую баржу.

Когда уже подошли к Волге, вечерело, у реки пахло гарью и порохом. На склоне были видны темные очертания наполовину разрушенного Тракторного завода, земля исчерчена струйками мазута и пятнами сгоревшей

травы. Было жутко и страшно. Семья Петровых уже отплывала на первой барже от берега. Я увидела Галин белый платочек и знакомые косички колечками, помахала рукой, но подружка моя меня не видела. Вокруг кричали и плакали люди. Мы с семьей ждали своей очереди на вторую баржу. Мне казалось, что там, за Волгой, весь этот ужас должен закончиться, что нам нужно только переплыть на тот берег, и все прекратится. Я тогда по-детски верила в чудо, любое, которое вселило бы во всех нас надежду, хотя бы ненадолго. Когда мы сели на баржу, все разом замолкли, сразу стало как-то тревожно-тревожно.

Медленно-медленно мы шли к противоположному берегу. Когда баржа уже достигла середины пути, трос оборвался. Люди с маленького буксира, шедшего перед нами, пытались как-то зацепиться за канат, чтобы продолжить движение. Вдруг в небе послышался до боли знакомый, ставший за эти недели просто непереносимым, гул: появились немецкие самолеты. Людей вокруг сковал страх. Молчавшие ранее пассажиры сейчас будто пытались спрятаться, уйти внутрь себя, чтобы остаться незамеченными. Казалось, время остановилось. Внезапно с неба к нам стали спускаться фонарики на парашютах. Они, паря в воздухе, плавно погружались в воду. А следом с других самолетов на нас уже сбрасывали бомбы. На барже все так же царил молчание. Люди ждали, надеясь на чудо. И чудо случилось. На маленьком буксире матросы наконец-то смогли подсоединить металлический трос к барже и начали тянуть её к левому берегу. Послышались вздохи облегчения. Баржа уже практически причалила к берегу, когда на том месте, где мы стояли пять минут назад, взорвался снаряд. Поднялась большая волна, крохотными брызгами разлетевшаяся вокруг...

К 1 сентября 1942 года советское командование смогло обеспечить гражданам только рискованные переправы через Волгу. Река полностью простреливалась фашистскими войсками. Переправами занимались баржи и

катера, как писал В.И. Чуйков, «...суда речного порта и Волжской военной флотилии проводили под огнем эвакуацию, они переправляли с левого берега на правый...».

...Придя в себя на берегу, мы поняли, что первая баржа не добралась, она была разбита. Где мгновение назад еще была моя подруга и ее семья, не осталось ничего. Плавают чьи-то вещи, детские игрушки, обломки. Тогда я ощутила то оцепенение, которое сковало взрослых на барже. Никто не дрогнул. Я стояла, не понимая, где мы, зачем мы здесь, где теперь искать Галю. Только на том берегу до меня дошло, что ни Гали, ни ее родных я больше не увижу. Их больше нет. Чуда не случилось. Хрупкая жизнь моей близкой подруги оборвалась в один миг этой теплой сентябрьской ночи.

Но жизнь продолжалась... Дальше нас ждал длинный и тяжелый путь на Урал.

Битва за Сталинград закончилась 2 февраля 1943 года поражением врага. В ходе этих сражений было потеряно более 1 100 000 человеческих жизней. В память о кровавой битве в 1967 скульптором Е.В. Вучетичем в Сталинграде, нынешнем Волгограде, на Мамаевом кургане был открыт мемориальный комплекс, памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы». И мне кажется, он посвящен и моим близким.

...Я стою у окна с закрытыми глазами. Ветер доносит до меня запах свежей сирени. Ее цветение доставляет невероятно много радости, хочется вечно стоять, опустив лицо в пахучую и влажную махровую свежесть. Сирень цветет ярко и быстро отцветает. Так же быстро пролетело и детство сталинградских ребят, которым пришлось повзрослеть намного раньше. Каждый раз, вспоминая об этом, я будто проживаю чужие жизни, ощущаю тот же страх первых дней войны, о которых часто говорила прабабушка. Но теперь война в прошлом, семьдесят девять лет назад сталинградцы вернулись

к прежней жизни, то чудо, на которое они так надеялись, все же произошло - бои в их городе закончились. И наша жизнь тоже продолжается...

Пальченкова Анна Алексеевна, моя прапрабабушка, вынуждена была всю жизнь менять профессии, чтобы заработать на жизнь. До войны она жила в деревне в Пензенской области. Анна Алексеевна действительно была первой рукодельницей на деревне, замечательно готовила и за любую работу бралась с радостью. После эвакуации на Урал в Усть-Ката, устроилась в столовой, где после закрытия кормила тех, у кого не доставало денег. По возвращении в Сталинград Анна Алексеевна работала в нынешнем Дворце культуры им. Ю.А. Гагарина в детской комнате.

Пальченков Архип Павлович, мой прапрадед, до войны тоже жил в деревне, где был искусным кузнецом. Позднее, переехав в Сталинград, устроился рабочим на завод «Баррикады». Архип Павлович стал инженером, профессионалом своего дела, его труд очень ценили, потому переводили на Урал.

Ракова (Пальченкова) Тамара Архиповна, моя прабабушка, на начало войны была пятнадцатилетней девочкой. Позднее ей был присвоен статус «Дитя Сталинграда». Она окончила школу в Усть-Катаве и поступила в медицинский институт в Уфе. После завершения войны ее семья вернулась в Сталинград, где она смогла завершить медицинское образование. Тамара Архиповна так же, как и ее мама, любила свое дело, поэтому до 85 лет проработала врачом-кардиологом.